

Быт и нравы европейского общества в период разложения феодализма. Идеальный придворный Кастильоне. Черты загнивания придворного быта и дворянской семьи: чичисбеизм. Первые «салонь». Отель Рамбулье и подражания ему в Европе. Новый центр светской жизни — двор Людовика XIV. Быт и нравы двора, придворный церемониал. Внутреннее убранство дворцов и отелей. Стиль мебели и домашней утвари. Версальский дворец. Версальские придворные и бытовая обстановка в Версале. Изменения в одежде господствующих классов. Испанская мода. Парижская мода. Клубы. Увлечение картами. Положение народных масс.

Мы видели, как в литературе и живописи, в архитектуре и театре феодально-рыцарские черты сменяются чертами придворно-абсолютистскими, которые, несмотря на наличие довольно значительных отклонений и особенностей в отдельных странах (например, в Англии), становятся господствующими во всей Европе к концу XVII — началу XVIII в. Процесс этот, отражающийся с теми или иными преломлениями в различных формах искусства, с особенной, можно сказать, кристальной ясностью отражается в быту, во внешних проявлениях жизни.

Уже упоминавшийся нами трактат Бальтасаро Кастильоне «Придворный» свидетельствует о том, что процесс перерождения воинственного и грозного рыцаря в изнеженного подхалима-придворного, начавшийся на почве Италии, теперь окончательно завершается, приобретает вполне определенные формы.

Идеальный придворный, рисуемый Кастильоне, должен обладать не воинскими доблестями, а совершенно иными качествами. Он обязан уметь танцевать, ухаживать за дамами и, главное, болтать о чем угодно. Он должен быть универсальным человеком, должен все знать и все уметь. Но только его разносторонность и культура является поверхностным налетом, прикрывающим недостаточно приятные и малокультурные черты. Что это так, доказывает несколько позднее написанный трактат папского прелата Джованни делла Коза «Галатео», содержащий также рецепты хорошего тона. В этом трактате, например, говорится: «Не следует сидя за столом чесаться и по возможности не плевать, если же это невозможно, то плевать прилично... Мы должны избегать принимать пищу так жадно, чтобы после этого появлялось рыгание или другие подобные вещи... нехорошо также протирать себе зубы салфеткой или пальцем, что весьма уродливо, или полоскать рот и выплевывать вино... не следует показывать язык или вычесывать бороду, что многие любят делать... или потягиваться и потягиваясь кричать от удовольствия «ох! ох!», как мужик, просыпающийся на солоне...»

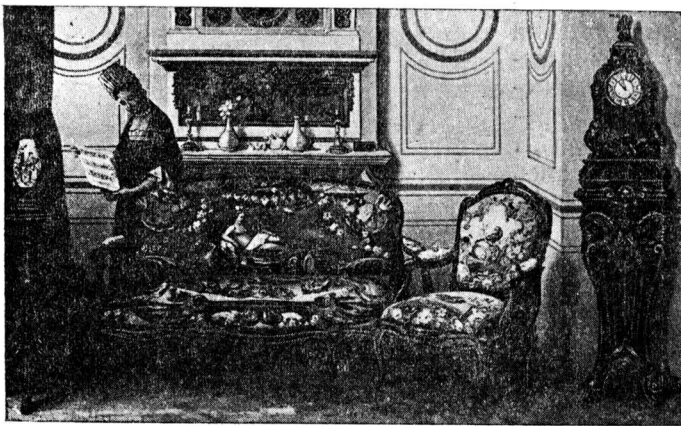
Идеал придворного и неразрывно связанный с ним идеал двора как совокупности придворных, сформулированный с наибольшей полнотой Кастильоне, надолго закрепляется и получает особое развитие именно на почве Италии.

Моды 1530 г.
Гравюра на дереве Ганса Бегамы

Здесь в конце XVII в. он приобретает чрезвычайно характерные, прямо карикатурные формы. Наиболее своеобразным из многих проявлений искусственного придворного режима, входящего в моду в это время, является так называемый «чичисбеизм». Хороший тон не позволяет мужу и жене из придворного общества иметь в сфере светской жизни что-нибудь общее между собой: всюду они должны бывать отдельно, а если встречаются, обращаться друг с другом с вежливой холодностью. Зато у всякой уважающей себя дамы должен быть поклонник — «чичисбей», неразлучный с ней, оказывающий ей всякого рода услуги, получающий от нее нежные взгляды, пользующийся ее неизменной благосклонностью. Этот искусственный, искаженный подход к браку и его формам как нельзя лучше характеризует всю внутреннюю гнилость типа придворного XVII—XVIII вв., и поэтому весьма показательна то, что он перенимается в большей или меньшей мере и другими странами, еще ранее перенявшими от Италии весь остальной кодекс предписаний светского поведения.

Первой страной, полностью перенесшей на свою почву законы итальянского хорошего тона, была Испания, затем стремление на практике осуществить предписания Кастильоне охватывает Францию. И здесь, как в литературе, застрельщиком явился уже упоминавшийся «Отель де Рамбулье». Устройство «Отеля де Рамбулье», установленные в нем порядки, состав участников его собраний вызвали восхищение современников и ближайших потомков. Собrania происходили в так называемой «синей гостиной», большой комнате, обитой синим бархатом, шитым золотом и серебром. Активная участница собраний, писательница мадемуазель де Сюдери, так описывает обстановку отеля: «Клеомира (псевдоним маркизы Рамбулье) приказала устроить себе по своему проекту особняк, являющийся одним из наилучше задуманных зданий мира, причем она ухитрилась на участке весьма небольших размеров построить здание размеров обширных. Порядок, симметрия и чистота царствуют во всех его помещениях, во всей его мебелировке: все в нем великолепно и своеобразно; лампы в нем не похожи на лампы других мест. Гостиные особняка заполнены тысячами редкостей, которые обнаруживают вкус той, которая их выбирала. Воздух всегда надушен в этом дворце. Различнейшие, роскошнейшие корзины цветов создают в ее комнате вечную весну, а место, в котором ее постоянно видят посторонние, так приятно и так хорошо задумано, что кажется, что ты заколдован, когда находишься в ее присутствии». В этой изысканной обстановке собирается не менее изысканное общество —

Интерьер XVII в.

здесь бывают представители буржуазии, духовные лица, чиновники, писатели, аристократы и принцы крови. Основным занятием общества «Отеля де Рамбулье», не пренебрегавшего, впрочем, и более обычными развлечениями, была беседа. Изящная болтовня отеля касается самых различных сюже-

тов, но в первую очередь — вопросов любви, литературы и хорошего тона. Любовь отеля — это искусственная любовь, выражающаяся в напыщенных фразах и требующая выполнения ряда совершенно условных церемоний.

«Отель де Рамбулье» был бы хотя и любопытным, но не столь важным явлением, если бы его влияние не распространилось, подобно пожару, сначала по Парижу, затем по Франции и, наконец, по всей Европе. Повсюду, в первую очередь у знатных дам, а затем и у дам из буржуазии, у писателей и просто зажиточных людей создаются салоны, копирующие отель.

Однако в самом Париже «отели», частные салоны, скоро отходят на второй план перед новым центром светской жизни, новым законодателем литературной и художественной моды — деспотическим и блестящим двором «короля-солнца», Людовика XIV. Тот процесс ослабления феодального дворянства, приручения его, прочного его прикрепления к победной колеснице короны, который был начат еще в XVI в. сильными представителями абсолютизма, теперь, при Людовике XIV, достигает своего полного завершения. Крупное дворянство разорено полностью и окончательно, причем король своими постоянными празднествами, своей обязательно требующей подражания пышностью, повидимому, сознательно поощряет это разорение.

Но если некогда могущественные дворяне разоряются и окончательно превращаются в зависящих от королевских подачек паразитов, то, наоборот, богатеют и делаются все более могущественными ростовщики, крупные торговцы, поставщики королевского двора. «Если бы некоторые из мертвых вернулись на землю, — пишет философствующий моралист Лабрюйер, — и если бы они увидели, что их звучные имена, их наиболее титулованные земли с древними замками и домами находятся во владении

Версаль. Зеркальная галерея

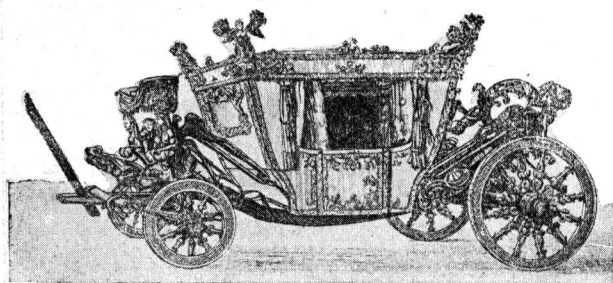
Версальский парк с фонтанами. Картина XVII в.

людей, отцы которых были их арендаторами, какое мнение составили бы они себе о нашем веке!»

Пестрая толпа разорившихся, жаждущих подачек дворян и богатеющих, но также жаждущих подачек буржуа с тонкой прослойкой интеллигентов, уже целиком живущих на счет короля, — таков по своему социальному составу тот блестящий двор «короля-солнца», ослепительное сияние которого видно во всей Европе.

Для того чтобы объединить эту пеструю, разношерстную толпу и сделать ее не только украшением двора, но и проводником своей деспотической политики, король подчиняет двор строгой регламентации, отражающей ту же регламентацию, проводимую в политической жизни страны и даже, как мы видели, в искусстве. Все в жизни двора predeterminedено и предусмотрено, причем вся жизнь здесь, как и во всей стране, должна вращаться вокруг особы «короля-солнца», которому недаром приписывают фразу «государство — это я». Ежегодно издается официальный справочник, в котором указывается самым детальным образом церемониал всех, даже самых интимных, моментов жизни короля и окружающего двора. Особенно детально регламентированы и пышно обставлены церемонии вставания с постели и еды, но имеются указания и относительно пребывания короля в уборной, где он также иногда принимает посетителей. Все происходит публично, каждая церемония напоминает больше пышный и постановочный балет, чем выполнение обычной житейской функции.

Для пышных и замысловатых церемоний нужно помещение, которое являлось бы подходящим фоном. Изменения во внутреннем оформлении помещений знати и, в первую очередь, конечно, царствующих особ довольно ясно наметились уже в эпоху Возрождения. Залы стали светлее и выше, обращается больше внимания на их внутреннюю отделку, на украшение стен пилястрами и колоннами, на роспись фресками стен и плафонов, на расстановку тяжелой и монументальной парадной мебели, украшенной резьбой и заставленной посудой из художественной керамики, золота или серебра. Эта эволюция жилища представителей привилегированных классов, постепенно превращающая его из простого жилища во дворец или, при меньших размерах, в «отель», находит себе наиболее полное выражение в той же Франции XVII в. В гостиных такого «отеля» торжественная монументальность возрожденческих колонн и фресок сменяется мягкими тонами бархатных и шелковых обоев, яркость итальянского солнца и дымный смрад факелов (единственного освещения Возрождения) уступают место мягким бликам многочисленных замысловатых ламп, и громадные многофигурные фрески вытесняются со стен небольшими картинами в золоченых рамах. Именно здесь, в залах французских особняков, создается тот облик богатого жилища, который затем получит всеобщее распространение и в своих основных чертах доживет и до наших

Экипаж времен Людовика XIV

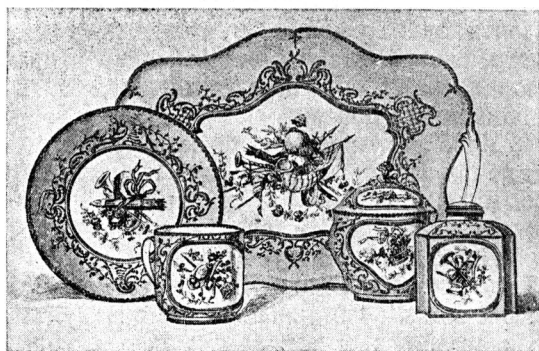
дней. Именно здесь, например, находит себе впервые применение оконное стекло, становящееся обязательной принадлежностью всякого богатого дома, в то время как в большинстве стран этой эпохи окна в лучшем случае затягиваются сузырями, в худшем же вообще остаются откры-

тыми. Довольно скоро находит себе здесь применение и новое приспособление, введенное, повидимому, впервые в Англии в последние годы XVI в., — уборная с проточной водой.

Чрезвычайно характерным для общего изменения стиля, облика и нового типа богатого жилища является изменение, происходящее в мебели. В средние века мебель, вообще весьма немногочисленная, носила в большинстве своем чисто утилитарный характер, была твердой и неудобной. Естественно, что такая мебель не годится для уютного салона и постепенно приобретает все большее количество мягких частей, теряет свои сухие, жесткие очертания. Ножки столов, стульев, диванов получают кокетливые, замысловатые изгибы, самая поверхность дерева расцвечивается сложными узорами из бронзы, частью мозаически вложенной в дерево, частью наложенной на него в виде скульптурных фигур.

Изменение стиля мебелировки не может не вызвать за собой изменения в связанных с ней более мелких предметах домашнего обихода, в первую очередь, посуды. Стекло, драгоценные металлы, майолика больше не удовлетворяют — они слишком сухи, не соответствуют мягким, изнеженным формам нового быта. Понятно поэтому, что с середины XVII в. с особой страстью принимаются за разрешение издавна тревожившей умы загадки — раскрытия секрета производства привозимого из Китая фарфора. В конце XVII в. во Франции открывают способ производства изделий из так называемого «мягкого» фарфора, а в 1710 г. дрезденский алхимик Бетгер находит способ изготовления настоящего «твердого» фарфора, на базе которого строится первая в Европе Мейсенская фабрика (в Саксонии), выпускающая известный на весь мир фарфор, так называемый «сакс». Несмотря на строжайшую тайну, которой окружается производство, на тюремный режим фабрики, секрет распространяется по всему миру. Наиболее знаменитой из устраиваемых с середины XVIII в. во всех странах фарфоровых мануфактур является французская королевская фабрика в Севре, близ Парижа, основанная в 1753 г.

Новый быт, новая посуда связаны и с появлением новых напитков. В связи с поступлением из Америки и из Индии различных новых растений и плодов, из них начинают делать напитки, соответствующие изысканному вкусу падкого до новинок высшего света. Так, с начала XVII в. входят в употребление и постепенно

Севрский фарфор. Чайный сервиз

Булль. Комод с инкрустациями

становятся модными: кофе, шоколад и чай, ранее неизвестные в Европе. Почти одновременно, в конце XVI в., появляется из Америки табак, встреченный весьма недружелюбно дамами высшего света и строгими моралистами, но нашедший страстных защитников и в конце концов добившийся победы.

Удобство, комфорт, роскошь внутренней отделки, вводимые в частных салонах Парижа; достигают невиданного ни до, ни после этого времени размаха в устройстве дворцовых помещений Людовика XIV, особенно в его излюбленной резиденции — Версале.

Небольшой охотничий замок недалеко от Парижа превращается при Людовике XIV сначала в место празднеств и увеселений двора, а затем, после новой, грандиозной реконструкции — в королевскую резиденцию, обрастающую вслед за тем целым городом придворных и их слуг. Как самый Версальский дворец в его наружном и внутреннем убранстве, так и окружающие его сады должны были служить ярким внешним выражением могущества и великолепия «короля-солнца». И действительно, вряд ли легко найти памятник искусства более единый, более ярко отражающий как тенденции и вкусы его владельца и строителей, так и вкусы всей господствующей верхушки общества. То же стремление к изысканности, жесткой и сухой подчиненности абстрактным законам, которое сказывается в трагедиях Корнеля и Расина, в творчестве Буало, отражается в грандиозной симметрии Версальского фасада, в геометрических рисунках аллей Версальского парка, в узоре высоких всплесков сотен его фонтанов. Сам король, прямо влюбленный в свой дворец, больше всего восхищен тем, что это — чистое произведение искусства, в создании которого природа не принимала никакого участия. Создать искусственную «упорядоченную» природу, подобно тому как трагедии Расина создают искусственные, подчиненные тем же законам чувства, — таково было задание строителям Версаля. За двором Людовика XIV — законодателем моды в Европе — последовали и другие дворцы. Дворцовые сады Берлина и Вены представляют копии Версаля в миниатюре, а Петергоф — дворцовый сад обновленной Петром I Российской империи — дает вариант той же идеи, почти не уступающей своему оригиналу.

Однако не только искусственность и насилие над природой составляют отрицательные стороны строительства Версаля. Строительство это оказалось тяжелым бременем для государства благодаря своей громадной стоимости и растрате человеческих жизней. На работы по постройке согнаны десятки тысяч крестьян, солдат, мелких ремесленников. Они работают в ужасающих условиях, почти без одежды и почти без оплаты. Среди них свирепствуют эпидемии, уносящие тысячи жизней. Расходы в деньгах также огромны. Несмотря на войны, вызывающие колоссальные траты, постройки не прекращаются и в общем достигают стоимости в 70 млн. ливров, равных

Севрская ваза

примерно 300 млн. франков золотом.

Вообще расточительность Людовика XIV, когда дело касалось расходов на пышность двора и разного рода развлечения, была безмерной. Из общего бюджета страны в 100 млн. ливров на личные расходы и развлечения короля расходовалось до 30 млн., т. е. немногим меньше трети. Безумная расточительность не является особенностью только королевского двора, наоборот, король принимает всяческие меры к тому, чтобы она широко распространилась

Моды при Людовике XIII.
Гравюра Абраама Босса XVII в.

среди его подданных, а отсюда она опять-таки разливается по всей Европе. Придворные разоряются, но подражают королю. Принц Конти растаптывает каблуком в порошок громадный бриллиант, возвращенный ему возлюбленной, и посыпает этим порошком посылаемое ей письмо, но при этом ему нехватает средств на закупку хлеба и дров. Во время тяжелой и неудачной войны 90-х годов XVII в. главнокомандующий маршал да Буффле в учебном лагере в Компьене тратит в день 6 тысяч ливров. «У него,—пишет современник,—72 повара и по крайней мере 340 человек прислуги. Мясо, дичь и рыба приходили со всех концов Франции и из-за границы. Даже питьевую воду привозят издалека. На перекладных доставляют каждый день фрукты и овощи из Парижа».

Роскошь и расточительность — монополия не одних только придворных. Богатые буржуа-поставщики, наживающиеся на ней, сами стремятся подражать герцогам и графам, роскошествуют и тратят не хуже их. Однако вся эта роскошь — шелка, бархат, золото и бриллианты — только показная сторона жизни, во многом остающейся еще грубой, грязной, антигигиенической. О самом новом и роскошном Версале современники сообщают, что воздух в нем был всегда отравлен запахом, исходившим из многих сотен уборных, еще не применявших нового английского изобретения (ватерклозета). Отбросы валяются повсюду, даже в углах парадных лестниц, не говоря уже о садах и парках. Воду употребляют для умывания в самых ничтожных количествах, считая ее вредной для кожи лица и рук. Изнеженные красавицы и кавалеры Версаля были, на наш взгляд, просто нечистоплотны. Отопление даже во дворцах устроено плохо, в холодные зимы вода и вино замерзают на столе самого короля. Монументальные мраморные каминные печи почти не греют и наполняют едким дымом заполненные толпой придворных залы. Строительство жилищ придворных в Версале идет медленно, и многие знатные и незнатные паразиты проводят сутки и недели, ночуя в передних, на лестницах, в чуланах.

Впрочем, этого не замечают или делают вид, что не замечают. «В Версале развлекаются, — пишет мадам де-Севиные; — каждый день там празднества, представления, музыка, ужины на воде». Вечный праздник, протекающий в строго определенных этикетом формах, в обстановке искусственных красот Версальского дворца, — такова установка двора Людовика XIV, становящегося предметом преклонения и подражания всех правящих кругов Европы.

Щеголь времен Людовика XIV

Установка эта при Людовике XV заслоняет уже все остальное, становится символом веры, свидетельствующим о неизбежности надвигающейся катастрофы. Недаром гордый, хотя и апокрифический афоризм Людовика XIV «государство — это я» сменяется не менее характерным лозунгом «после нас — хоть потоп».

Если изменились формы жизни привилегированных слоев общества, если перерождались здания и их меблировка, то естественно не мог остаться неизменным и внешний вид тех людей, которые бродили изнеженной походкой по мягко освещенным залам отелей и дворцов, которые вели изысканные беседы, держа холеной рукой хрупкие изделия Мейсенской или Севрской фарфоровых фабрик. И действительно, в рассматриваемый период мода переживает весьма значительные изменения.

С начала XVI в. моды диктует Испания—самая могущественная из стран Европы этого времени. Надменные испанские гранды вводят костюм искусственный, жесткий и дорогой. Вместо шитых узких штаночулков, охватывающих всю ногу, они вводят вязаные шелковые чулки, поднимающиеся немного выше колена и здесь уходящие под пышные короткие штаны. Вместо одежды, подчеркивающей линии тела, мы видим сложное сооружение, изменяющее эти линии. У пояса, на плечах, иногда на локтях создаются искусственные утолщения, впечатление от которых еще усиливается бесчисленными прорезами, из которых выглядывает, имеющая обязательно другой цвет, подкладка или нижняя одежда. Этот сложный и искусственный наряд завершается у шеи так называемой «фрезой». Выросшая, повидимому, из обычного белого воротничка, фреза к середине XVI в. превращается в сложное сооружение — колесо из накрахмаленного и уложенного в замысловатые волны полотна, обрамляющего шею и поневоле делающего своего владельца неподвижным и напыщенным. Женский костюм по своей сложности и искусственности соперничает с мужским. Талия подчеркивается, сужается, шнуруется. Юбка внизу надевается на проволочный обруч громадного диаметра, а с боков подшивается рыбьей костью, образуя конус, сходящийся к талии. Шея скрыта еще более громоздкой и еще более неуклюжей, чем у мужчин, фрезой, иногда заменяемой большим вырезом и стоящим сзади шеи и головы кружевным воротником. В общем как кавалер, так и дама времен господства испанских мод имеют вид неестественный, могут двигаться только плавно, производить только немногие, скудные телодвижения, что, впрочем, и предписывается этикетом.

Жеманная испанская мода царствует так же недолго, как недолговечно величие самой Испании. Уже к началу XVII в. она сменяется модой, особенно в области мужской одежды, прямо противоположной. Воинственные годы правления Генриха IV французского, годы Тридцати-

летней войны, в которую оказывается втянутой вся Европа, решительно видоизменяют мужской туалет: он делается проще, рациональнее. Ноги одеваются в высокие кожаные сапоги, часто украшенные огромными шпорами. Штаны сужаются и удлиняются до самых сапог, сужается и упрощается одевание корпуса, превращающееся в длинную, свободно лежащую куртку, воротник которой украшен вместо нелепой фрезы большим мягким кружевным воротником. Громадная черная шляпа с падающими назад пышными перьями завершает наряд дворянина-воина начала XVII в. Зато несколько усложняется убор волос. Большая, соединяющаяся с усами борода заменяется крошечной бородкой под нижней губой и узкими усами. Волосы удлиняются и падают мягкой волной на кружевной воротник. Дамский костюм тоже делается естественнее и проще, юбка уже не образует жесткого конуса, а лежит свободными складками, талия менее подчеркнута, вместо фрезы — большой лежащий кружевной воротник. Но этот более или менее простой и строгий костюм держится весьма недолго. При Людовике XIV мода перестает быть устойчивой, каждое десятилетие создаются новые линии, новые детали, обязательные для всего «высшего света». Так из десятилетия в десятилетие, а иногда и из года в год менялась капризная мода Парижа и Версаля, доставляя веселящемуся высшему свету постоянные занятия и развлечения.

Чисто светскими развлечениями типа версальских не исчерпывались, конечно, формы общественной жизни в XVI—XVII вв. В разных социальных слоях встречаем и другие формы общения, менее распространенные и влиятельные, но сами по себе достаточно важные и симптоматические. Так, в Англии в начале XVII в. возникают клубы, объединяющие самые различные группы населения, от аристократии до духовных лиц и горожан.

В это же время развивается новый вид развлечения, которому предаются с одинаковой страстью и при дворе, и в дворянских салонах, и в буржуазных гостиных, — карточная игра. За карточным столом проигрывают громадные суммы. Сам король в одну ночь проиграл несколько миллионов и на следующее утро, проснувшись, спрашивал, король ли он еще.

Все блага культуры, лучшее из того, что создавалось упорным и изнурительным трудом крестьян и ремесленников, использовалось расточительно людьми, умевшими только тратить и наслаждаться. Паразитизм был доведен до своего высшего предела. Класс феодальных эксплуататоров разлагался, но в процессе своего гниения он начинал заражать все, что входило с ним в соприкосновение.

Среднее и мелкое дворянство, чаще всего разоренное, несмотря на это, стремится не отставать от нравов и мод, диктуемых двором. Город-

«Паук и муха» — дворянин и крестьянин. Гравюра XVII в.

ская зажиточная буржуазия также пытается копировать быт придворных, что приводит к появлению типов, столь жестоко высмеянных Мольером в его комедии «Мещанин-дворянин». Наконец, многочисленные ремесленники, стоявшие в то время на грани разорения и полной потери самостоятельности, — и те тянулись за модой, пытались подражать «высшему обществу». Цеховые процессии и пиршества, церемонии приема в число мастеров и изготовления шедевра, сложившиеся в XIV—XVI вв., усложняются подражаниями некоторым элементам замысловатого придворного этикета. Во Франции даже рабочие, не имеющие никаких надежд подняться по ступеням социальной лестницы, живущие впроголодь, обставляют вступление в свои тайные союзы, так называемые «компаньонажи», сложными церемониями, подражавшими отчасти придворному быту, отчасти церковной службе.

В то время как при дворе королей дни проходят в пышных церемониях, а ночи в разврате или в картежной игре, в то время как на парадные построения тратятся миллионы, в то время как изысканное общество проводит время в изящных беседах в окружении уюта и роскоши, миллионы крестьян и ремесленников живут так, что это даже трудно назвать жизнью.

Из этих величайших социальных контрастов рождались ненависть и возмущение народных масс, а люди, превратившие свою жизнь в сплошной праздник, даже не замечали, что почва под их ногами начала накаляться.

